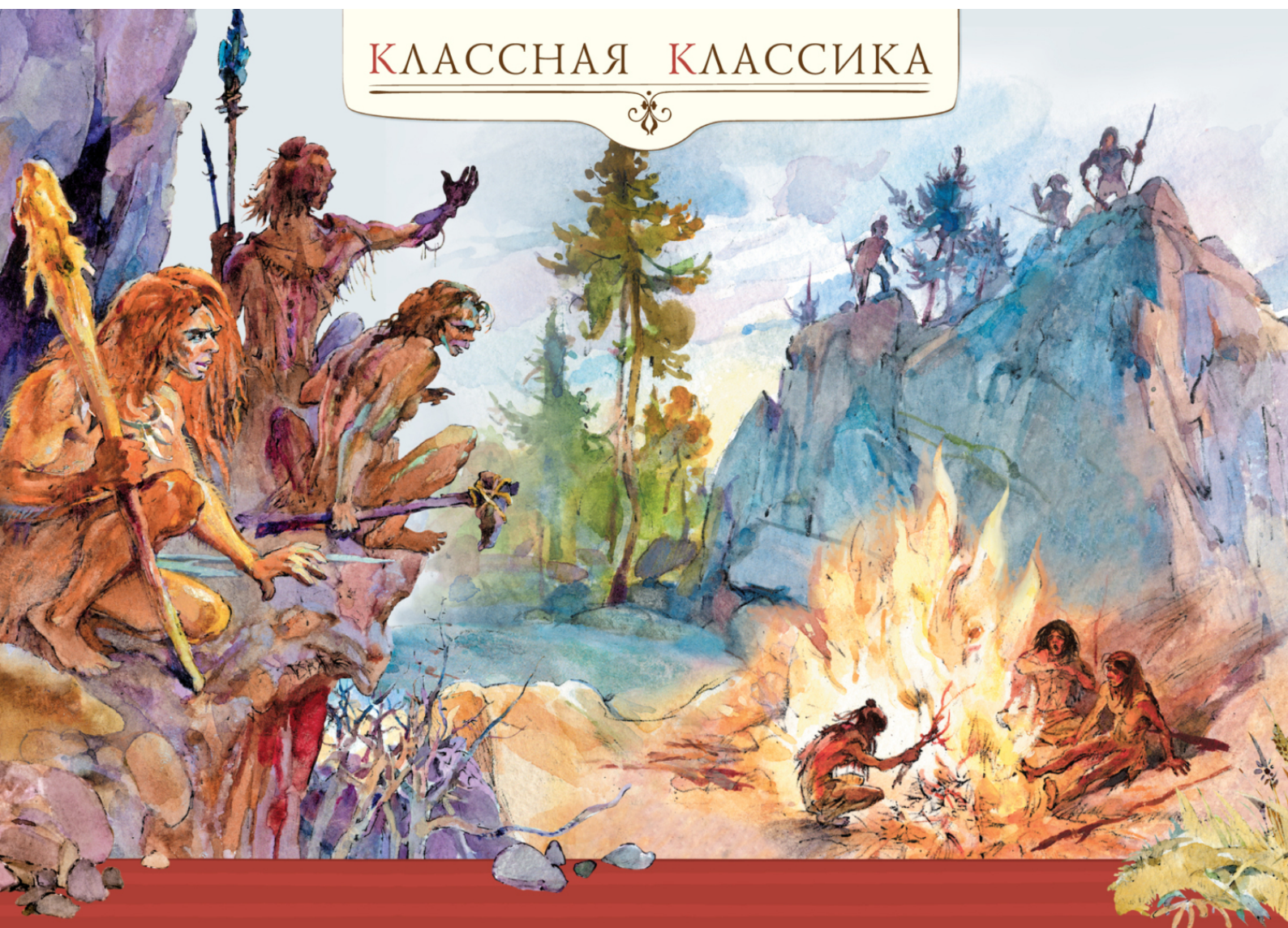

КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Жозеф Рони-Старший

БОРЬБА ЗА ОГОНЬ

Machaon

Классная классика

Жозеф Рони-старший
Борьба за огонь

«Азбука-Аттикус»

1909

УДК 821.133.1-31-93
ББК 84(4Фра)

Рони-старший Ж. А.

Борьба за огонь / Ж. А. Рони-старший — «Азбука-Аттикус»,
1909 — (Классная классика)

ISBN 978-5-389-21947-2

«Борьба за Огонь» – визитная карточка классика французской литературы Жозефа Рони-Старшего. Написанная в 1909 году, книга до сих пор читается с огромным интересом и пользуется заслуженной популярностью во всём мире. «Борьба за Огонь» открывает «доисторический цикл» писателя и переносит нас в эпоху каменного века, когда первобытный человек только появился на Земле и вынужден бороться за выживание. Огонь, подаренный людям самой природой, был спасением для доисторических племён. Он был защитой от холода, голода, диких зверей... Утрата огня грозила гибелью всему племени. Первобытные люди обожествляли огонь – для них он был Огонь. И вот когда племя уламров лишилось его, молодой охотник и воин Нао, сын Леопарда, вместе с двумя товарищами отправляется в опасное путешествие, чтобы добыть новый огонь и спасти сородичей...

УДК 821.133.1-31-93
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-389-21947-2

© Рони-старший Ж. А., 1909
© Азбука-Аттикус, 1909

Содержание

«Все радости жили только около него»...	8
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвёртая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Жозеф Рони-Старший

Борьба за Огонь

Перевод с французского
Ирины Орловской

Художник
Юрий Богачёв

Joseph Rosny aîné
LA GUERRE DU FEU
1909

Вступительная статья
Ольги Корф

© Орловская И.С., наследники, перевод на русский язык, 2022

© Богачёв Ю.Н., иллюстрации, 2022

© Вступительная статья, оформление, ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»,
2022 Machaon®

«Все радости жили только около него»...

«Борьба за Огонь» – визитная карточка Рони-Старшего. Более ста лет эту историю читают во всём мире. Огонь, подаренный людям самой природой, был спасением для доисторических племён. Был защитой от холода, голода, диких зверей, действительно «все радости жили только около него»...

Автор этой захватывающей книги, Жозеф Анри Онорэ Бёкс (1856–1940), стал известным под псевдонимом Ж.-А. Рони. Под тем же именем издавались произведения, которые он написал вместе с младшим братом, Серафином Жюстеном Франсуа. Когда братья поссорились, их творческое сотрудничество прекратилось, и один стал Рони-Старшим, другой – Рони-Младшим.

Писатель родился и вырос в Бельгии, в Брюсселе. Он получил прекрасное классическое образование. Особенно увлекался естественными науками – математикой, физикой, химией, собирался стать учёным, но пришлось, меняя профессии, зарабатывать на жизнь. После женитьбы восемнадцатилетний Жозеф-Анри переехал в Лондон, где был и педагогом-наставником в колледже, и телеграфистом. Тогда же он начал писать и первую книгу издал на английском языке. Позднее он обосновался в Париже, где прожил всю оставшуюся жизнь. Рони-Старший – заметная фигура в истории литературы, один из самых уважаемых писателей Франции, кавалер ордена Почётного легиона. Долгие годы он возглавлял Гонкуровскую академию, присуждавшую престижную литературную премию. Но после смерти писателя его имя надолго исчезло с литературной карты, и только благодаря усилиям внука книги Рони-Старшего стали переиздаваться. После выхода в 1981 году культового фильма Жан-Жака Арно «Борьба за Огонь», удостоенного премии «Оскар», популярность писателя во всём мире увеличилась многократно. В нашей стране Рони-Старший – один из самых издаваемых французских авторов.

Особенно прославили его истории об увлекательных путешествиях во времени – в далёкое прошлое и в не менее загадочное будущее. Рони-Старший считается одним из основателей жанра научной фантастики, хотя в то время самого термина ещё не было (с 1980 года во Франции вручается премия Рони-Старшего за лучшее произведение в жанре научной фантастики). Невероятно увлекательны его истории о будущем человечества, хотя авторские прогнозы не выглядят оптимистичными: чаще всего в этих произведениях жителям Земли грозит гибель.

Среди наиболее известных книг о доисторических временах – романы «Вамирэх», «Эйримах», «Борьба за Огонь», «Пещерный лев», «Гигантская кошка», «Хельевор с Голубой реки». Рони-Старший обладал талантом оживлять то, что другим людям трудно было себе представить. Богатое, причудливое воображение писателя создавало такие живописные картины, что Земля и её обитатели представляли живыми, как будто он видел их своими глазами. Роскошная природа, невиданные звери, буйство стихии – всё это было описано размашистой кистью художника.

Главная тема доисторического цикла – борьба диких племён за выживание. Весь мир был враждебным, а ещё люди постоянно воевали друг с другом – за территорию, за пищу, за огонь. Они мало знали, мало умели, но могли храбро сражаться и отнимать у более слабых то, что им было нужно. Так вели себя и трое молодых людей, которые должны были вернуть родному племени источник жизни – огонь. Им пришлось проявить недюжинную силу, ловкость, мужество, но они обрели и новое знание: научились ладить с природой, понимать не только друг друга, но и животных. Кто бы мог подумать, что главному герою удастся подружиться с самым опасным из животных – мамонтом! Внутренний мир необыкновенного юноши Нао, который добыл огонь и спас сородичей, показан с замечательной психологической точностью и глубиной. Нао открыл в себе мир эмоций и чувств, сделав огромный шаг на пути пробуждения в человеке человека – эта мысль, важная для автора, остаётся ценной и сейчас.

Ольга Корф

Часть первая

Глава первая Смерть Огня

Племя уламов спасалось бегством в непроглядной темноте ужасной ночи. Обезумевшие от страданий люди не чувствовали боли, не замечали усталости. Огонь умер – и всё меркло перед лицом этого страшного несчастья.

Со времён возникновения племени уламы хранили Огонь в трёх ивовых плетёнках, обмазанных глиной. Четыре женщины и два воина денно и нощно стерегли и кормили его.

В самые трудные и тяжёлые для племени времена Огонь всегда получал пищу, которая поддерживала его жизнь. Надёжно защищённый от ливней и ураганов, разливов и наводнений, он вместе с племенем перебирался через реки и болота, бледнея при свете дня и багровея с наступлением сумерек. Его могучая сила отгоняла от становища чёрного льва и жёлтого льва, пещерного медведя и серого медведя, тигра и леопарда и даже самого владыку саванны – мамонта. Его острые красные зубы защищали человека от огромного и враждебного мира.

А сколько радостей дарил Огонь людям! Он извлекал из мяса дразнящий запах, придавал крепость камням остриям деревянных копий и дротиков, раскалывал на куски обломки кремня. Близость его разливалась по телу сладостным теплом. Он согревал и ободрял сердца людей в холодные ветреные ночи, в чаще дремучего леса и в глубине сырых пещер, на нескончаемых просторах степей и саванн. Огонь был Отцом, хранителем, спасителем племени. И вместе с тем он был опаснее львов и мамонтов, когда, внезапно вырвавшись из плетёнки, принимался пожирать степную траву или вековые деревья.

И вот Огонь уламов умер! Враги уничтожили две плетёнки. В третьей во время стремительного бегства Огонь захирел и поблек. Он был так слаб, что не мог съесть даже крохотной сухой былинки; он трепетал и бился, словно раненный насмерть зверёк. Потом он превратился в маленькую красную точку, которая с каждым порывом ветра делалась всё меньше и меньше. А потом он исчез...

Осиротевшие уламы бежали сквозь осеннюю ночь. В чёрном небе не было ни одной звезды. Тяжёлые тучи, казалось, задевали своими краями верхушки редких деревьев; болотные травы простирали к небу холодные, влажные стебли. Слышно было, как в тёмной воде шевелятся рептилии. Мужчины, женщины и дети, прислушиваясь к голосам вожаков, идущих впереди, пробирались в полной темноте через огромное болото по узкой полосе твёрдой земли. Тот, кто оступался, сразу уходил с головой в чёрную воду и исчезал в ней, не успев даже вскрик-

нуть. Три поколения уламров знали эту тропу, но, чтобы не сбиться с неё ночью, нужен был хотя бы свет звёзд.

На рассвете беглецы достигли края болота и увидели перед собой саванну.

Холодный свет сочился сквозь тяжёлые тёмные тучи на востоке. Ветер рябил ржавую поверхность болотных вод, жирных и вязких, как смола. Кое-где из воды, словно бородавки, торчали кочки. Меж стеблей кувшинок и стрелолиста копошились сонные гады. Цапля взмыла вверх и, покружившись над болотом, села на пепельно-серое в утреннем свете дерево.

Перед взорами уламров простиралась бесконечная саванна. Клубы рыжеватого тумана перекатывались по трепещущей от пронизывающего предрассветного ветерка траве. Последним усилием воли люди рванулись вперёд и, с трудом продравшись сквозь густые камыши, очутились наконец на твёрдой земле, среди высоких трав.

Лихорадочное возбуждение, поддерживавшее уламров во время долгого ночного бегства, разом покинуло их. Большинство мужчин в изнеможении повалилось на землю и мгновенно погрузилось в глубокий сон. Женщины сопротивлялись усталости более стойко, чем мужчины; те, которые потеряли во время бегства детей, были от горя, словно волчицы; те же, чьи дети чудом уцелели, судорожно прижимали их к себе или в порыве безотчётной благодарности поднимали к низкому хмурому небу. Все пали духом, вспоминая о постигшем племя ужасном бедствии и предчувствуя тяжёлые, полные горя и лишений дни.

Вождь племени, Фаум, воспользовался первыми проблесками дневного света, чтобы пересчитать своих соплеменников. Он вёл счёт с помощью пальцев и древесных веток. Каждая ветка была равна количеству пальцев на обеих руках. Осталось только четыре ветки воинов, более шести веток женщин, около трёх веток детей и меньше одной ветки стариков.

Старый Гоун, умевший считать лучше всех людей племени, сказал, что уцелели только один мужчина из пяти, одна женщина из трёх и один ребёнок из целой ветки...

Только теперь уламы ощутили всю тяжесть обрушившегося на них несчастья. Они поняли, что жизни племени угрожает смертельная опасность, что с потерей Огня они снова беззащитны перед лицом грозных сил природы и отныне обречены владеть лишь жалкое существование.

Отчаяние овладело даже мужественным сердцем Фаума. Он не доверял больше своей громадной физической силе, своим мощным рукам и могучим мускулам. На его широком, заросшем жёсткой щетиной лице, в жёлтых, как у леопарда, глазах отражалась смертельная усталость. Он угрюмо разглядывал раны, нанесённые ему вражескими дротиками и копьями, слизывая по временам кровь, всё ещё сочившуюся из глубокой царапины на левом предплечье.

Подобно всем побеждённым, Фаум не переставал вспоминать ту минуту, когда победа стала клониться в его сторону. Уламы яростно бросились в бой; огромная палица Фаума без устали крушила врагов. Ещё миг, и уламы перебьют всех своих противников, захватят в плен женщин, растопчут вражеский Огонь и будут по-прежнему охотиться в своей родной саванне, в изобилующих дичью девственных лесах...

Какой злой ветер пронёсся над полем битвы? Почему уламы, внезапно охваченные ужасом, обратились в паническое бегство и кости их захрустели под палицами врагов, в то время как копья и дротики безжалостно пронзали тела бегущих и раздирали их в клочья? Как случилось, что враги ворвались в родное становище и убили священный Огонь?

Мрачные мысли сверлили тёмный мозг Фаума, приводя его в иступление и бессильную ярость. Он не хотел, не мог примириться со своим поражением, чувствуя в себе столько энергии, отваги и ненависти!

* * *

День вставал во всём своём блеске и могуществе. Лучи восходящего солнца пробились сквозь плотную завесу облаков, и от первого их прикосновения закурились паром болото и саванна. Радость утра и свежее дыхание растений несли они с собой. Даже тёмная поверхность болота не казалась уже больше зловещей и коварной. Она то отсвечивала серебром среди ядовито-яркой зелени островков и кочек, то отливала малахитом и жемчугом, то словно покрывалась чешуйками слюды под дуновением ветерка. Сквозь пышные заросли тополей и ольхи до измученных людей доносился прохладный запах воды.

Солнечные лучи скользили по изменчивой глади и мимолетно озаряли то тёмно-зелёную массу водорослей, то жёлтый цветок кувшинки, то белую водяную лилию. В их зыбком свете вспыхивали поочерёдно то куст болотного молочая, то стебель стрелолиста или синего касатика, то островок жёлтых лютиков, то бархатистые лапки заячьей капусты, то круглые листья росянки, то непроходимые заросли камышей и лозняка, где гнездились водяные курочки, белоглазые нырки, изумрудные чибисы, проворные зуйки и грузные дрофы. Серые цапли высматривали добычу по берегам круглых заливчиков; стая журавлей, хлопая крыльями, с криком опустилась на каменистый мысок. Острозубая шука с громким всплеском врезалась в стайку линей, а последние стрекозы стремительно проносились над водой, словно вспышки зелёного света или искры лазурита.

Фаум с грустью взирал на оставшихся в живых уламов. Сбившиеся в тесную кучу люди были жёлтыми от болотной глины, зелёными от облепивших их тело водорослей, красными от крови, струившейся из ран. Одни лежали, свернувшись клубком, словно питоны; другие распластались на земле подобно гигантским ящерицам. От них несло лихорадочным жаром и запахом разлагающегося мяса. Некоторые метались и хрипели, борясь со смертью. Раны их почернели от запёкшейся крови. Однако Фаум знал, что почти все раненые должны выжить. Самые слабые погибли на том берегу или утонули при переправе.

Вождь перевёл взгляд со спящих на тех, кто не мог уснуть, потому что горечь поражения терзала их сильнее, чем усталость. Это были лучшие воины, цвет племени уламов. Их массивные головы с низким лбом и тяжёлыми челюстями крепко сидели на широких плечах. Кожа была загорелой и обветренной, но не чёрной; коренастые торсы и мускулистые руки и ноги обросли густыми волосами. Остротой обоняния они могли соперничать с любым хищником. Суровый, порой свирепый взгляд больших, глубоко посаженных глаз смягчался и становился почти нежным лишь у маленьких детей и некоторых молодых девушек.

Люди каменного века, конечно, сильно отличались от нас по своему внешнему облику, но уже были настоящими людьми, в полном смысле этого слова. И они были молоды той великолепной молодостью, которая неведома теперь нам, их далёким потомкам, как непонятна современному человеку та несокрушимая энергия и упорство, с которыми первобытные люди отстаивали своё право на существование в жесточайшей повседневной борьбе с окружающим их враждебным миром.

* * *

Фаум воздел руки к восходящему солнцу и протяжно закричал:

– Что станет с уламами без Огня? Как будут жить они в саванне и в лесу? Кто защитит их от ночного мрака и зимних холодов? Им придётся есть сырое мясо и горькие корни трав! Они не смогут согреть свои озябшие тела, и концы их дротиков и копий будут мягкими, словно глина. Лев и махайрод, медведь и тигр, леопард и гиена будут пожирать их живьём в тёмные ночи! Кто вернёт племени Огонь? Тот, кто сумеет это сделать, станет братом Фаума. Он будет получать три части на охоте и четыре части из остальной добычи. Фаум отдаст ему в жёны Гаммлу, дочь своей сестры! А если Фаум умрёт, он станет вождём племени!

Нао, сын Леопарда, поднялся с места.

– Пусть мне дадут двух быстроногих воинов, – сказал он, – и я добуду для племени Огонь у сыновей Мамонта или у Пожирателей Людей, которые охотятся на берегах Двойной реки!

Фаум метнул на молодого воина недоброжелательный взгляд. Нао был самым рослым среди уламов, и плечи его становились шире с каждым годом. Не было у племени воина более ловкого и неутомимого в беге. Он поборол на состязании Му, сына Бизона, первого после Фаума силача племени. И Фаум опасался Нао. Он давал молодому воину самые опасные задания, подвергая его жизнь смертельному риску, и старался держать подальше от остальных уламов.

Нао тоже не любил вождя уламов. Но высокая, стройная, пышноволосая Гаммла с загадочным взглядом больших зеленоватых глаз вызывала в нём трепет и смутный восторг. Он думал о ней то с нежностью, то с неистовой яростью. Много раз Нао подстерегал девушку в зарослях лозняка или в чаще леса. Стоя позади дерева, он то широко раскрывал объятия, чтобы нежно прижать её к груди, то судорожно стискивал руки, борясь с желанием кинуться к ней, оглушить ударом палицы и бросить на землю, как делали это уламы с девушками враждебных племён. А между тем он совсем не желал Гаммле зла. Если бы она стала его женой, он никогда не обращался бы с ней грубо, потому что не любил видеть на лицах окружающих людей выражение страха, которое делает их чужими и враждебными.

Конечно, в другое время Фаум отнёсся бы недоверчиво к словам Нао и нашёл предлог, чтобы отделаться от молодого воина. Но горе укротило его гордость. Он подумал, что союз с сыном Леопарда может теперь оказаться для него выгодным; если же этого не произойдёт, он всегда найдёт способ избавиться от опасного соперника. И, повернувшись к юноше, вождь сказал:

– У Фаума только один язык! Если ты вернёшь племени Огонь, ты получишь Гаммлу без всякого выкупа или обмена. Ты станешь сыном Фаума!

Подняв руку вверх, он говорил с расстановкой, холодно и высокомерно.

Закончив речь, Фаум сделал знак Гаммле.

Девушка приблизилась, трепеща, подняв на вождя свои прозрачные глаза, изменчивые, как быстротекущая речная вода.

Гаммла знала, что Нао часто подстерегает её среди высоких трав и деревьев. Когда он появлялся перед ней с таким видом, будто готов кинуться на неё, девушка пугалась. Но в иные минуты его лицо не вызывало у неё неприязни. И теперь она одновременно желала и чтобы Нао погиб под ударами людоедов, и чтобы он вернул племени Огонь...

Тяжёлая рука Фаума властно опустилась на плечо Гаммлы.

– Кто из дочерей человеческих сравнится с моей Гаммлой?! – воскликнул он гордо. – Она может унести на одном плече убитую лань, идти, не зная усталости, от утренней зари до захода солнца, переплывать озёра и реки, стойко переносить голод и жажду. Кто умеет, как она,

выделывать звериные шкуры? Она подарит своему мужу могучих сыновей! Если Нао сумеет добыть Огонь, он получит Гаммлу без всякого выкупа. Ему не придётся отдавать за неё ни кремнёвых топоров, ни рогов зубра, ни медвежьих шкур, ни цветных раковин.

Агу, сын Зубра, самый волосатый среди уламров, внезапно выступил вперёд.

– Агу тоже хочет завоевать Огонь, – сказал он низким, хриплым голосом. – Вместе со своими братьями он пойдёт добывать его у врагов по ту сторону болота. Он либо погибнет под ударами топоров и палиц, либо вернёт уламрам Огонь, без которого они слабее сайги и беззащитней оленя!

Всё лицо Агу, казалось, состояло из огромного рта, окаймлённого кровавой полосой толстых губ. Глаза горели зелёным огнём. Руки казались особенно длинными на коротком, коренастом туловище, а плечи – непомерно широкими. Весь облик Агу говорил о его чудовищной силе: звериной, свирепой, не знающей пощады.

Никто не знал, как велика эта сила. Агу никогда не мерился ею на состязаниях ни с Фаумом, ни с Му, ни с Нао. Но все знали, что тот, кто становился на его пути, неизменно терпел поражение. Счастлив был воин, отделавшийся одним увечьем; многие расстались с жизнью, и Агу присоединил их скальпы к своим прежним трофеям.

Агу жил в стороне от становища, вместе с двумя своими братьями, такими же волосатыми и свирепыми, как он сам, и с несколькими женщинами, забитыми и несчастными созданиями, обречёнными на ужасающее рабское существование.

Даже среди суровых друг к другу и беспощадных ко всем остальным представителям человеческого рода уламров сыновья Зубра выделялись своей жестокостью и кровожадностью. Смутное недовольство ими росло среди племени – первая попытка людей объединиться перед лицом подобной опасности и общими силами противостоять ей.

Группа сторонников окружала Нао, которому многие соплеменники ставили в упрёк его снисходительность к поверженным врагам и незлопамятность. Но эти же качества привлекали к могучему воину сердца тех, кого природа обделила ловкостью и физической силой.

Фаум ненавидел Агу не меньше, чем сына Леопарда, а боялся его ещё больше. Союз трёх косматых братьев казался ему непобедимым. Если один из них жаждал чьей-нибудь смерти, два других хотели того же. Тот, кто осмелился бы объявить Агу войну, должен был либо погибнуть, либо уничтожить всех трёх братьев.

Фаум искал союза с сыновьями Зубра, но они всегда уклонялись от его заискиваний, полные глухого недоверия ко всем людям и неспособные поверить ни в слова, ни в поступки. Всякое проявление симпатии они воспринимали с подозрением и не признавали иного вида лести, кроме панического страха перед их звериной силой.

В глубине души Фаум был, пожалуй, так же недоверчив и безжалостен, как Агу и его братья, но он обладал несомненными качествами вождя: заботился о нуждах племени, был снисходителен к своим приверженцам, решителен, храбр, верен данному слову и по-своему справедлив и прям.

Фаум ответил с лёгким оттенком предупредительности в голосе:

– Если сын Зубра вернёт Огонь уламрам, он получит Гаммлу без выкупа и станет вторым вождём племени, которому все воины будут подчиняться во время моего отсутствия.

Агу слушал речь Фаума с грубым равнодушием, не отрывая жадного взгляда от лица Гаммлы. Его маленькие глазки вдруг сверкнули угрозой.

– Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра! – крикнул он хрипло. – Смерть тому, кто посмеет посягнуть на неё!

Эти слова возбудили гнев Нао. Он принял страшный вызов.

– Гаммла достанется тому, кто вернёт племени Огонь! – провозгласил он звучным голосом.

– Сын Зубра вернёт его!

Взгляды их скрестились, как хорошо отточенные топоры. До сегодняшнего дня у этих людей не было повода для вражды. Каждый знал о силе другого, но интересы их ни разу не сталкивались. Речь Фаума зажгла в груди у обоих чувство соперничества и ненависть друг к другу.

Агу, ещё вчера даже не смотревший на Гаммлу, когда та боязливо пробегала мимо него при встрече, вздрогнул всем телом, слушая речь Фаума, восхвалявшего достоинства девушки. Страсть, слепая и неистовая, как все его желания и чувства, мгновенно вспыхнула в косматой груди Агу. С этой минуты он обрекал на смерть любого соперника.

Нао знал это. Он крепче сжал правой рукой топор и взял копьё в левую руку. Услышав слова Нао, младшие братья Агу подошли и стали рядом с сыном Зубра, молчаливые и угрожающие.

Все три брата были поразительно похожи друг на друга: огненно-рыжие, волосатые, с крохотными, глубоко сидящими глазками, тусклыми, словно надкрылья жужелиц. Стремительность их была ещё страшней, чем сила.

Косматые братья следили за каждым движением Нао, готовые в любую минуту ринуться на него. Но среди воинов поднялся глухой ропот. Даже те, кто всегда осуждал Нао за незлобивость, не хотели его гибели, особенно теперь, когда племя потеряло столько храбрых воинов и Нао обещал вернуть уламрам Огонь. Все знали, что Нао изобретателен и хитроумен, неутомим в поисках и необычайно искусен в обращении с Огнём. Кроме того, многие верили в его удачливость.

Агу также обладал силой, хитростью и упорством в достижении поставленной цели. Племя могло только выиграть от того, что два лучших воина отправятся одновременно на поиски Огня.

В сильном возбуждении все вскочили на ноги. Приверженцы Нао сгрудились вокруг сына Леопарда и, поощряемые криками остальных уламров, приготовились защищать его от нападения косматых братьев.

Сын Зубра не знал страха, но осторожность не была чужда ему. Он решил отложить счёты с Нао до более благоприятной минуты.

Костлявый и долговязый Гоун, самый старый из уламров, выразил словами чувства, волновавшие всех людей племени.

– Разве уламы хотят своей гибели? – сказал он. – Неужели они забыли, сколько храбрых воинов погибло от руки врагов и в Большом болоте? Из каждого из четырёх мужчин остался только один! Все, кто в силах держать в руках топор и палицу, должны жить! Нао и Агу – сильнейшие среди охотников, которые преследуют зверя в лесу и в саванне. Если один из них умрёт, племя потеряет больше, чем если бы погибло четверо других воинов. Дочь Болота будет женой того, кто вернёт уламрам Огонь! Такова воля племени!

– Да будет так! – сказали все воины.

И женщины, которых было вдвое больше, чем мужчин, и чья сила лишь немногим уступала мужской, подтвердили в один голос:

– Гаммла будет принадлежать похитителю Огня!

Агу презрительно пожал волосатыми плечами. Он не боялся никого, но понимал, как опасно противостоять воле всего племени.

Уверенный в своём превосходстве над Нао, он решил сразиться с ним один на один и уничтожить ненавистного соперника.

Сделав знак младшим братьям, он повернулся и, тяжело ступая, удалился вместе с ними в заросли ивняка.

Глава вторая

Мамонты и зубры

Это происходило на заре следующего дня.

Высоко в небе ветер гнал облака, но над самой землёй и над болотом воздух стоял неподвижно, горячий, напоённый ароматом душистых трав. Небо было подобно гигантскому синему озеру. Дрожа и переливаясь, растекалась по этому озеру алая пена утренней зари.

Пробудившиеся уламы, повернув свои лица к пылающему небесному костру, чувствовали, как в их сердцах растёт благоговейный восторг перед величественным зрелищем рождающегося дня. Это же чувство, должно быть, наполняло и грудь певчих птичек, славивших звонкими голосами восходящее солнце.

Раненые воины протяжно стонали и бредили; их томили жар и жажда.

Один из раненых ночью умер. Его окоченевшее тело неподвижно простёрлось на траве. Старый Гоун что-то тихо бормотал над ним.

Фаум приказал бросить труп умершего в воду.

Когда печальный обряд был закончен, внимание всего племени обратилось на охотников за Огнём – Агу и Нао, – готовых тронуться в далёкий путь.

Косматые братья вооружились палицами, топорами, рогатинами и дротиками с кремнёвыми и нефритовыми наконечниками. Нао, рассчитывая больше на хитрость, чем на силу, выбрал себе в спутники двух быстроногих юношей, ловких, сообразительных и неутомимых в беге. Каждый взял с собой топор, копье и дротики. Сын Леопарда сверх того захватил свою палицу – толстый дубовый сук, конец которого был умело обожжён на огне костра. Вооружённый этой палицей, он не боялся вступить в бой с самым страшным хищником.

Фаум обратился сначала к сыновьям Зубра.

– Агу увидел свет раньше, чем сын Леопарда, – сказал он. – Пусть он первым выбирает свой путь. Если Агу пойдёт на юг, в сторону Двуречья, сын Леопарда отправится к Болотам, в сторону заходящего солнца. Если же сын Зубра предпочтёт путь к Болотам, Нао направит свои стопы к Двойной реке.

– Агу ещё не знает, куда он пойдёт! – буркнул в ответ Косматый. – Он будет искать Огонь и может утром направиться к реке, а вечером – к Болотам. Разве может знать охотник, преследующий кабана, где ему удастся настичь зверя?

– Агу должен сказать, в какую сторону он пойдёт, – возразил старый Гоун, и одобрительный ропот толпы поддержал его слова. – Он не может одновременно идти и к Двойной реке, и в сторону заходящего солнца. Пусть выбирает свой путь!

В глубине своей мрачной души сын Зубра признавал, что требование племени справедливо. Кроме того, он не хотел прежде времени возбудить подозрения у Нао. Бросив угрюмый взгляд в сторону уламов, он проворчал:

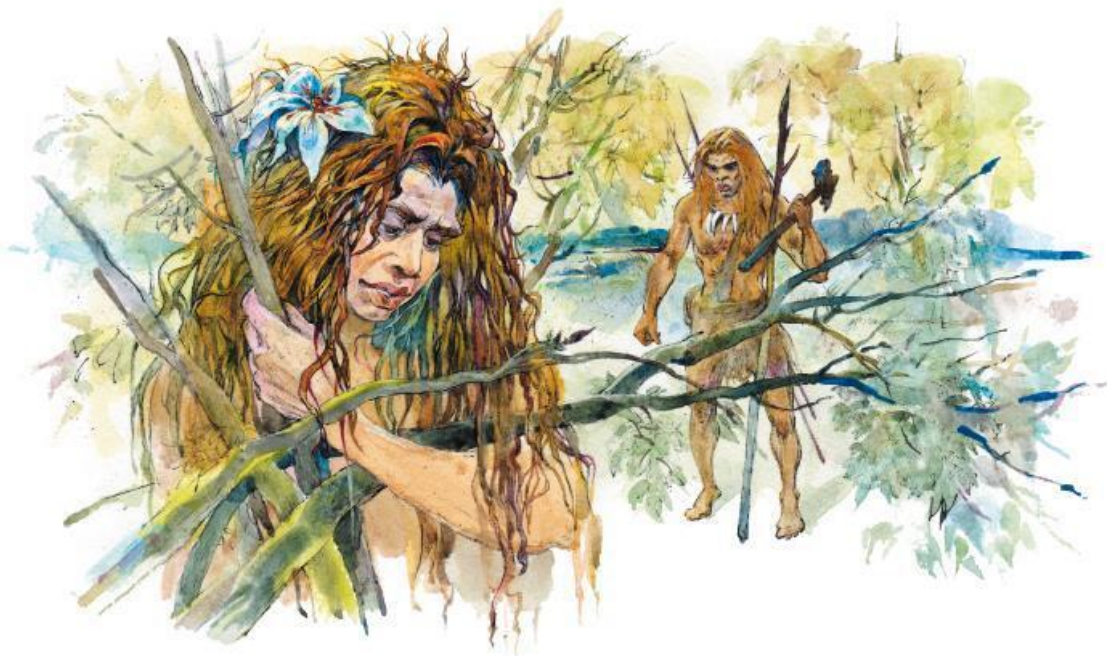
– Агу пойдёт в сторону заходящего солнца!

И, сделав знак братьям, он резко повернулся и решительно зашагал по направлению к Болотам.

Нао не сразу последовал его примеру. Ему хотелось ещё раз повидать на прощание Гаммлу. Она стояла под раскидистым ясенем, позади Фаума, Гоуна и других старейшин племени.

Нао медленно приблизился к ней. Девушка не тронулась с места. Лицо её было обращено к саванне, глаза смотрели не отрываясь в бескрайнюю даль. Пышные волосы Гаммлы украшал голубоватый цветок водяной лилии. От всего существа её словно исходило сияние утра и свежий запах речной воды и степных трав.

Сердце Нао бурно забилося. Он чувствовал, что задыхается от нежности и гнева. Все, кто разлучал его с Гаммлой, показались ему вдруг такими же ненавистными, как сыновья Мамонта или Пожиратели Людей.

Он поднял руку, вооружённую топором, и воскликнул:

– Слушай, дочь Болота! Нао никогда не вернётся к своему племени, если не сумеет добыть Огонь! Он найдёт смерть на дне пропасти, утонет в реке, станет добычей волков и гиен – или возвратится победителем. Он принесёт Гаммле раковины, синие камни, зубы леопарда и рога зубра!

Девушка бросила на Нао взгляд, в котором светились робкая надежда и детская радость. Но Фаум нетерпеливо оборвал речь Нао.

– Сыновья Зубра уже скрылись за тополями! – крикнул он. – Почему сын Леопарда медлит?

Нао круто повернулся, кликнул своих спутников и, не оглядываясь, направился к югу.

* * *

Весь день Нао, Нам и Гав шли по саванне. Трава на ней была ещё зелёной, ветер перекатывал изумрудные волны, словно морские валы. Травы гнулись под ветром, солнце палило их, исторгая из растений бесчисленные ароматы, которыми был напоён горячий, сухой воздух. Однообразная на первый взгляд саванна таила в себе огромное разнообразие растений и животных. Плодородие её было неистощимо. Среди необозримого моря злаков ютились островки дрока и вереска, виднелись кустики подорожника, зверобоя, шалфея, лютика, тысячелистника, кресса. Местами попадались участки каменистой бесплодной почвы, устоявшей против буйного натиска зелёных полчищ растений. За ними снова начинались заросли шиповника и мальв, красного клевера и васильков, осыпанные белыми цветами кусты боярышника.

Иногда монотонность равнины нарушали невысокий холм, ложбинка, пруд, кишачий насекомыми и пресмыкающимися. Одинокaя скала высилась среди моря трав, словно масто-

донт на пастбище. Стада антилоп и сайгаков проносились в отдалении, в траве прыгали длинноухие зайцы; порой из зарослей кустарников показывались небольшие стаи волков и диких собак. Над саванной кружили вороны, журавли и дикие голуби, взлетали грузные дрофы и стремительные куропатки. По необозримому простору равнины скакали табуны диких лошадей и лосей. Степенно ступая, шли по краю горизонта громадные зубры. А однажды на пути уламров попался серый медведь, более свирепый, чем тигр, и не уступающий в силе самому пещерному льву.

Вечером Нао, Нам и Гав остановились на ночлег у подножия одинокого холма. Они не прошли за день и десятой доли пути. Всюду, куда хватал взор, простиралось нескончаемое море степных трав, слегка колеблемое ветром. В сумеречном свете угасающего дня саванна выглядела печальной и однообразной. Последние лучи заходящего солнца зажгли в вечерних облаках багровые костры.

Глядя на это гигантское небесное пожарище, Нао думал о крохотном язычке Огня, который ему предстояло добыть. Казалось, стоило подняться на вершину холма и протянуть к небу смолистую сосновую ветку, чтобы искра небесного огня воспламенила её...

Облака над головой Нао потемнели, но пурпурные отсветы ещё долго мерцали на горизонте. Сверкающие точки звёзд зажигались одна за другой в высоком небе. Прохладный ветер ночи, словно река, струился над засыпающей саванной.

Привыкнув к ярким кострам становища, светящаяся ограда которых надёжно защищала людей от ночного мрака, полного невидимой опасности, Нао чувствовал себя в темноте слабым и беспомощным. Каждое мгновение из тьмы мог появиться серый медведь или леопард, тигр или лев, хотя крупные хищники обычно редко охотятся на открытом месте. Стадо зубров могло, пробегая, растоптать ногами хрупкую человеческую плоть. Даже стая волков представляла грозную опасность для незащищённых людей. Сила этих хищников – в их численности, а голод гонит вперёд и придаёт дерзости.

Молодые воины поужинали сырым мясом антилопы. Это был печальный ужин: уламры давно отвыкли от подобной пищи. С тоской вспоминали они дразнящий запах жареного мяса. Затем Нао первым встал на стражу. Всем существом своим он внимал таинственной жизни ночи, обступившей его со всех сторон. Нао был великолепным образчиком человеческой породы, тончайшим инструментом, способным улавливать всё, что происходит вокруг него. Глаза его различали неясное движение теней во мраке, видели тусклые зелёные огоньки в глазах хищников, вспыхивавшие то тут, то там; слух воспринимал шёпот ветерка, шелест травы, полёт ночных птиц и насекомых, шорох ползущих в траве ящериц и змей. Он слышал далёкие вопли шакалов, вой волков, жуткий хохот гиены, крик орлана и стрекотание кузнечиков. Ноздри впитывали аромат ночных цветов, сочное дыхание трав, острые запахи хищников. Кожа ощущала в каждом дуновении ветерка волну влажной прохлады или веяние сухого жара.

Нао не знал иной жизни. С самого раннего детства он, подобно всем своим сородичам, всегда жил в атмосфере смертельной опасности и непрекращающейся тревоги. Мир, окружавший его, был полон угроз и ловушек. В неустанной борьбе с враждебными силами и с равнодушной природой мог выжить только самый хитроумный, самый бдительный и самый сильный.

И Нао насторожённо ждал во мраке ночи появления когтистых лап, раздирающих тело, острых клыков, дробящих кости, горящих зелёным огнём глаз пожирателей живого мяса. Большинство мелких хищников, учуяв присутствие опасного двуногого противника – человека, – пробежало мимо холма не задерживаясь. Прошли близ стоянки уламров и гиены, челюсти которых по силе не уступают львиным. Но гиены осторожны и обычно избегают борьбы, довольствуясь падалью. Подкралась стая волков и остановилась в нерешительности. Волки знали, что сила их – в количестве, и смутно сознавали, что, действуя совместно, они почти так же сильны, как трое уламров. Но, поскольку голод не слишком терзал их, хищники сочли более благоразумным двинуться дальше, по свежему следу антилопы.

Вскоре после ухода волков к холму подбежала стая диких собак. Они долго лаяли и выли, бродя вокруг стоянки уламров. Отдельные собаки с угрожающим рычанием выскакивали вперёд или пытались подкрасться так, чтобы Нао их не заметил. Однако ни одна из них не отваживалась напасть на двуногих зверей, зная их хитрость и силу.

Ещё совсем недавно одна такая стая собак долго ходила за племенем уламров. Они питались отбросами человеческой пищи и принимали участие в охоте. Старому Гоуну удалось даже приручить двух собак, которых он кормил потрохами и костями. Но, к несчастью, обе погибли в схватке с кабаном, а приручить других не пришлось, потому что Фаум, став вождём, приказал убить всех следовавших за племенем собак.

Нао нравилась мысль о союзе с собаками. Он видел в нём источник новой силы, могущества и безопасности человека. Но здесь, в саванне, вдали от становища, когда людей было только трое, а собак – целая стая, о союзе с ними нечего было и помышлять.

Между тем собаки постепенно сжимали кольцо вокруг стоянки уламров. Они не лаяли больше; их учащённое дыхание слышалось всё отчётливее.

Нао забеспокоился. Он поднял комок земли и швырнул в самую смелую собаку, крикнув: – У нас есть копья, топоры и палицы, которыми мы убиваем медведя, зубра и даже льва!

Собака, которой засыпало землёй глаза, шарахнулась в сторону и, напуганная звуком человеческого голоса, скрылась в темноте. Остальные отступили на несколько шагов и, казалось, совещались. Нао бросил в них камень.

– Вы слишком слабы, чтобы сражаться с уламами! – крикнул он снова. – Убирайтесь, пока целы! Ищите добычу полегче – сайгу или антилопу. Собака, которая ещё раз осмелится подойти ко мне, будет убита!

Разбуженные голосом Нао, Нам и Гав проворно вскочили на ноги. Появление двух новых вертикальных теней заставило собак обратиться в бегство.

* * *

Семь дней шли по саванне Нао, Нам и Гав, избегая подстерегавших их на пути опасностей и ловушек. Эти опасности увеличивались по мере того, как уламы приближались к Большому лесу. Хотя до опушки леса оставалось ещё не менее пяти дней ходьбы, предвестники его – отдельные купы деревьев и крупные хищники – попадались теперь всё чаще и чаще. Уламы уже видели совсем близко тигра и большую чёрную пантеру.

Особенно опасными были ночи. Ещё задолго до наступления сумерек молодые воины начинали думать о ночлеге; они искали пещеру в скале, удобную площадку на вершине холма или, на худой конец, хотя бы чашу колючего кустарника. Ночевать под большими деревьями они избегали.

На восьмой и девятый день пути их начала мучить жажда. Нигде не было видно ни ручейка, ни болота. Под ногами шуршала жесткая сухая трава. На горячих камнях грелись змеи и ящерицы, в воздухе роились тучи мошек. Насекомые стремительно проносились над головами людей, больно жалили их разгорячённые тела.

Когда тени девятого дня удлинились, степь вдруг снова сделалась зелёной и прохладной. Воздух стал влажным, и ветерок донёс из-за вздымавшейся на горизонте гряды холмов запах свежей воды.

Вскоре уламы увидели впереди себя большое стадо зубров, бредущее к югу. Обрадованный Нао сказал своим спутникам:

– Мы утолим жажду до захода солнца – зубры идут на водопой!

Нам, сын Тополя, и Гав, сын Сайги, с облегчением выпрямили усталые плечи.

Нао выбрал себе в спутники подвижных и быстроногих юношей, неспособных ещё мгновенно принимать самостоятельные решения. Надо было воспитать в них смелость, решитель-

ность, выносливость и доверие. За доброе отношение к ним Нам и Гав готовы были платить безусловным повиновением, безграничной преданностью, способностью быстро забывать перенесённые лишения и страдания и снова радоваться жизни. Предоставленные самим себе, они терялись перед лицом враждебных стихий природы и поэтому всеми силами души тянулись к Нао, который видел в них продолжение своей воли и энергии. У обоих юношей были зоркие глаза, тонкий слух, ловкие руки и неутомимые в ходьбе и беге ноги. Всеми этими качествами мог легко управлять вождь, который сумел бы вызвать их восхищение своим великодушием, мужеством и находчивостью.

За дни совместного странствования по саванне Нам и Гав успели крепко привязаться к Нао. Он представлялся им образцом доблести и ума, растущей власти человека над силами природы, защитником и руководителем, по приказу которого они готовы были с беззаветной храбростью метать копья и наносить удары топором.

Порой, идя позади Нао в опьяняющей свежести осеннего утра, Нам и Гав невольно любовались его статной фигурой и широкими плечами, испытывая суровый восторг и почти нежность к этому могучему человеку, который притягивал к себе их сердца, как солнце – степные цветы и травы.

Нао платил юношам такой же искренней симпатией. Он чувствовал, что чем теснее будут связаны их сердца и судьбы, тем легче им будет совместно преодолевать препятствия, предупреждать опасности, бороться и побеждать.

Длинные тени легли у подножия деревьев. Солнце склонялось к западу, и огненный диск его, всё увеличивавшийся по мере того, как опускался к горизонту, заливал красноватым светом равнину и медленно двигавшееся впереди стадо зубров.

Последние сомнения Нао рассеялись. За расщелиной между двумя холмами несомненно находилась вода. Так подсказывал ему инстинкт, а также то, что множество других животных украдкой пробиралось вслед за зубрами в том же направлении. Нам и Гав чувствовали то же: их раздувающиеся ноздри жадно втягивали влажный воздух, струившийся навстречу.

– Надо опередить зубров! – сказал Нао.

Он боялся, что место водопоя окажется узким и зубры преградят своими огромными телами доступ к воде.

Охотники ускорили шаг, чтобы миновать проход между холмами раньше зубров.

Стадо двигалось медленно. Зубров было много, молодые устали от долгого перехода, старые быки соблюдали привычную осторожность. Уламы быстро догнали стадо и обошли его стороной. Многие животные последовали их примеру; видимо, они тоже хотели достичь водопоя раньше зубров. Уламы видели, как, обгоняя их, стремительно несутся к проходу между холмами легконогие сайги, муфлоны, онагры. Наперерез им проскакал табун диких лошадей. Многим уже удалось добраться до прохода.

Нао и его спутники далеко опередили зубров. Значит, можно будет не спеша утолить терзавшую их мучительную жажду. Когда воины достигли прохода, расстояние между ними и зубрами составляло не менее тысячи локтей.

Нам и Гав ускорили свой бег; усиливавшаяся с каждой минутой жажда подгоняла их. Они обогнули холм и углубились в узкий проход. Вдали блеснула Вода – мать-создательница всего живого, более благодетельная, чем сам Огонь, и менее жестокая, чем он.

Это было небольшое озеро, тянувшееся у подножия скалистой гряды, изрезанное мысами и полуостровами. Справа в него впадала полноводная река. Слева озёрные воды низвергались водопадом в глубокую пропасть. Подойти к озеру можно было только тремя путями: по реке, через проход между холмами, который только что миновали уламы, и через второй проход – между скалистой грядой и одним из холмов. В остальных местах всюду возвышались отвесные базальтовые скалы.

* * *

Воины приветствовали воду радостными возгласами. У водополя в оранжевых лучах заходящего солнца уже столпились тонконогие сайги, низкорослые, коренастые лошади, онагры с точёными копытами, бородатые муфлоны, робкие косули и старый лось, на голове которого возвышался целый лес рогов. Рядом с ними жадно припал к воде неуклюжий кабан, забияка и скандалист, – единственный, кто утолял жажду, не опасаясь нападения. Остальные, настрожив чуткие уши, всё время косили глазами по сторонам, готовые при малейшей опасности немедленно обратиться в бегство и надеясь только на свои быстрые ноги – могучее оружие слабых в борьбе за жизнь.

Вдруг, словно по команде, все головы повернулись в одну сторону, уши встали торчком, прислушиваясь к чему-то. Ещё мгновение – и все лошади, сайги, онагры и муфлоны беспорядочной массой понеслись к западному проходу, откуда лился багровый свет умирающего дня. Один кабан остался на месте, беспокойно вращая маленькими, налитыми кровью глазками.

В проходе появилась стая крупных лесных волков. Их большие лобастые головы с мощными челюстями были вытянуты вперёд; жёлтые глаза высматривали добычу. Нао, Нам и Гав держали наготове копыта и дротики, а кабан злобно оскалил свои загнутые кверху клыки и угрожающе засопел.

Волки оглядели противника своими умными глазами, признали его опасным и бросились в погоню за более лёгкой добычей, которая убегала вдаль.

После ухода волков на водополе наступила тишина, и уламы, вволю напившись свежей, прохладной воды, стали держать совет.

Надвигались сумерки, солнце скрылось за скалистой грядой. Надо было подумать о ночлеге.

– Приближаются зубры! – сказал вдруг Нао.

Он повернул голову к западному проходу и стал напряжённо прислушиваться. Нам и Гав последовали его примеру. Затем все трое легли на землю и приложили ухо к земле.

– Те, кто идёт оттуда, – не зубры! – прошептал Гав.

– Это мамонты, – ответил Нао.

Воины поспешно осмотрели местность. Справа от них река впадала в озеро между базальтовым холмом и отвесным утёсом из красного порфира. Узкий каменный выступ опоясывал утёс и вёл к его вершине. Он был достаточно широк для того, чтобы по нему мог пройти человек или крупный хищник. Уламы не раздумывая стали взбираться по этому выступу на утёс.

На дне каменной расселины в вечном мраке текли воды реки. Деревья, сброшенные с высоты обвалами камней или вырванные ураганами, беспомощно распростёрлись над пропастью. Другие тянулись из сырой глубины ущелья к свету – длинные, несоразмерно тонкие, с жалким пучком зелёных листьев на самой макушке. Стволы их обросли густым мхом и лишайниками, лианы оплели ветви, вечный холод и сырость подтачивали корни, но они упрямо продолжали бороться за жизнь, за место под солнцем.

Нао первым заметил пещеру близ вершины утёса. Она казалась низкой и небольшой, с неправильными очертаниями. Прежде чем войти в неё, уламы долго вглядывались в чёрную глубину. Затем Нао, пригнув голову и расширив ноздри, пополз в пещеру впереди своих спутников, сжимая в руке топор.

Пол пещеры был завален костями, клочьями шкур, оленьими и лосиными рогами, черепами различных животных. По-видимому, хозяином пещеры был какой-то крупный хищник. Нао вдохнул несколько раз запах, исходивший от всех этих останков, и уверенно сказал:

– Это логовище серого медведя. Оно пустует уже целую луну.

Нам и Гав не были ещё знакомы с этим грозным хищником. Уламры кочевали обычно в местах, где встречались тигры, львы, зубры и даже мамонты, но серый медведь попадался редко. Нао же видел его много раз во время своих дальних охотничьих походов. Он знал свирепость этого хищника, подобную слепой ярости носорога, силу, почти равную силе пещерного льва, и лютую, неукротимую злобу.

Почему пустовала пещера, Нао не знал. Быть может, медведь покинул её временно, перекочевав на лето в другое место, а быть может, с ним случилось какое-нибудь несчастье или он утонул при переправе через реку. Так или иначе, Нао надеялся, что ближайшей ночью медведь не вернётся в пещеру, и решил занять её для ночлега.

Не успел он объявить об этом своим спутникам, как внизу, у подножия утёса, послышался шум и топот ног: зубры пришли на водопой. Их могучий рёв, грозный, как рычание льва, отражённый и усиленный базальтовыми скалами, загремел над озером, словно раскаты грома.

Нао не мог удержать невольную дрожь, слушая рёв огромных животных. Человек в те времена редко отваживался охотиться на зубров и бизонов. Они были значительно крупнее и сильнее тех, которые живут теперь. Зубры хорошо сознавали свою силу и не боялись даже самых больших хищников, которые нападали только на больных и слабых или случайно отбившихся от стада животных.

Уламры выбрались из пещеры и взглянули вниз. Сердца их учащённо забились при виде величественного зрелища, которое представилось их глазам. С ужасом и восторгом созерцали они эту дику и великолепную картину.

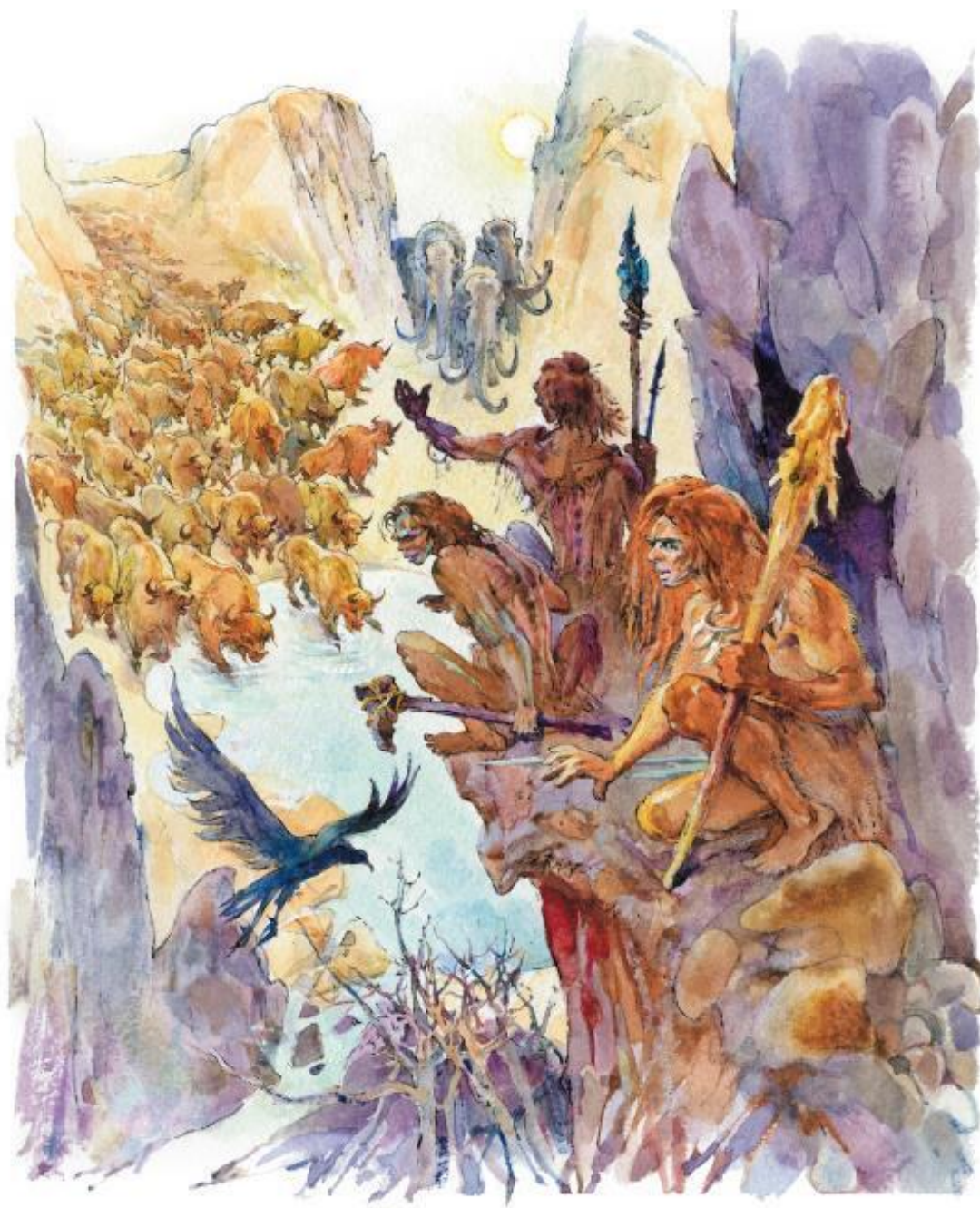
Но не успели молодые воины полюбоваться зубрами, как новая волна звуков ворвалась в шум, поднятый зубрами, подобно тому как топор врезается в тушу убитой козы. Этот низкий, вибрирующий звук был намного глуше и слабее рёва зубров. А между тем он возвещал о приближении самых сильных существ, живших тогда на Земле.

В те времена мамонт был непобедимым и полновластным хозяином суши. Свиные львы и кровожадные тигры старались держаться в почтительном отдалении от него; даже могучий серый медведь не решался вступить в единоборство с мамонтом. Человеку суждено было помериться с ним силами лишь спустя тысячелетия. Один только носорог, близорукий и тупой в своей ярости, отваживался преграждать ему дорогу. Мамонт был подвижным, быстрым, неутомимым, сообразительным и памятливым. Он легко преодолевал горные перевалы, переплывал широкие озёра и полноводные реки. Хобот служил ему таким же универсальным орудием, как руки человеку; страшные бивни взрывали землю и сокрушали всё, что попадалось на его пути. Он прекрасно сознавал своё превосходство над всеми живыми существами и спокойно наслаждался своим могуществом. Нет сомнения, что ум его был более ясным и острым, а чувства – более тонкими, чем у современных слонов, отупевших за время своего долгого рабства у человека.

Вожаки мамонтов и зубров подошли к водопою одновременно. Мамонты, привыкшие к тому, что всё живое уступает им дорогу, пожелали пройти первыми. И зубры и бизоны в таких случаях обычно отступали. Но на этот раз зубры, возглавляемые вожаками, которые, по-видимому, плохо представляли себе силу мамонтов, и тоже привыкшие, что все травоядные отступают перед ними, неожиданно разъярились.

Восемь зубров-вожаков были огромными, могучими самцами. Самый крупный не уступал ростом носорогу. Жажда их была сильной, а терпение – коротким. Видя, что мамонты хотят первыми пройти к водопою, зубры угрожающе вскинули головы и издали протяжный боевой клич. Мамонты затрубили. Вожаками их были пять старых самцов с массивными головами, огромными холмоподобными телами и мощными ногами, напоминающими стволы вековых деревьев. Бивни длиной в десять локтей могли без труда снести дубовую рошу. Чёрные хоботы извивались в воздухе, словно гигантские питоны. Кожа была толще и прочней, чем кора на старых вязах.

Позади вожаков длинной вереницей тянулось стадо.

Спокойные и невозмутимые, внимательно глядя на зубров своими маленькими живыми глазками, мамонты стояли на берегу, преграждая доступ к водопою. Восемь горбатых зубров с налитыми кровью глазами яростно мотали косматыми головами и, потряхивая тяжёлой, жирной гривой, грозно наклоняли к земле острые, торчащие в стороны рога. Инстинкт предупреждал их о страшной силе врага, но нетерпеливое мычание сгрудившегося позади стада возбуждало в вожаках воинственный пыл.

Внезапно самый рослый зубр, вожак всего стада, ещё ниже пригнул к земле лобастую голову, увенчанную блестящими рогами, и с молниеносной быстротой ринулся на ближайшего мамонта. Страшный удар в плечо, хоть и парированный ответным ударом могучего хобота, был все же так силен, что мамонт зашатался и упал на колени. Торопясь использовать преимуще-

ство внезапного нападения, зубр стал наносить гиганту удар за ударом; поверженный на колени мамонт мог отбиваться от врага только хоботом.

В этой страшной схватке великанов зубр был воплощением слепого бешенства. Пена выступила на его губах, налитые кровью глаза сверкали. С неистовым упорством он бил противника своими острыми рогами, стремясь опрокинуть мамонта на бок, чтобы пропороть ему рогами брюхо, где кожа была не такой толстой. Если бы ему удалось это сделать, он вышел бы победителем из схватки.

Мамонт прекрасно понимал опасность. Но даже в эту ужасную минуту привычное хладнокровие не покинуло его. Он изо всех сил старался держаться прямо. Мамонту достаточно было одного рывка, чтобы встать на ноги, но для этого зубру следовало хоть на минуту прекратить свои атаки.

Неожиданное нападение зубра сперва озадачило остальных вожаков. Четыре мамонта и семь зубров застыли лицом к лицу в грозном ожидании. Ни один не пытался вмешаться в схватку, чувствуя, что опасность угрожает ему самому.

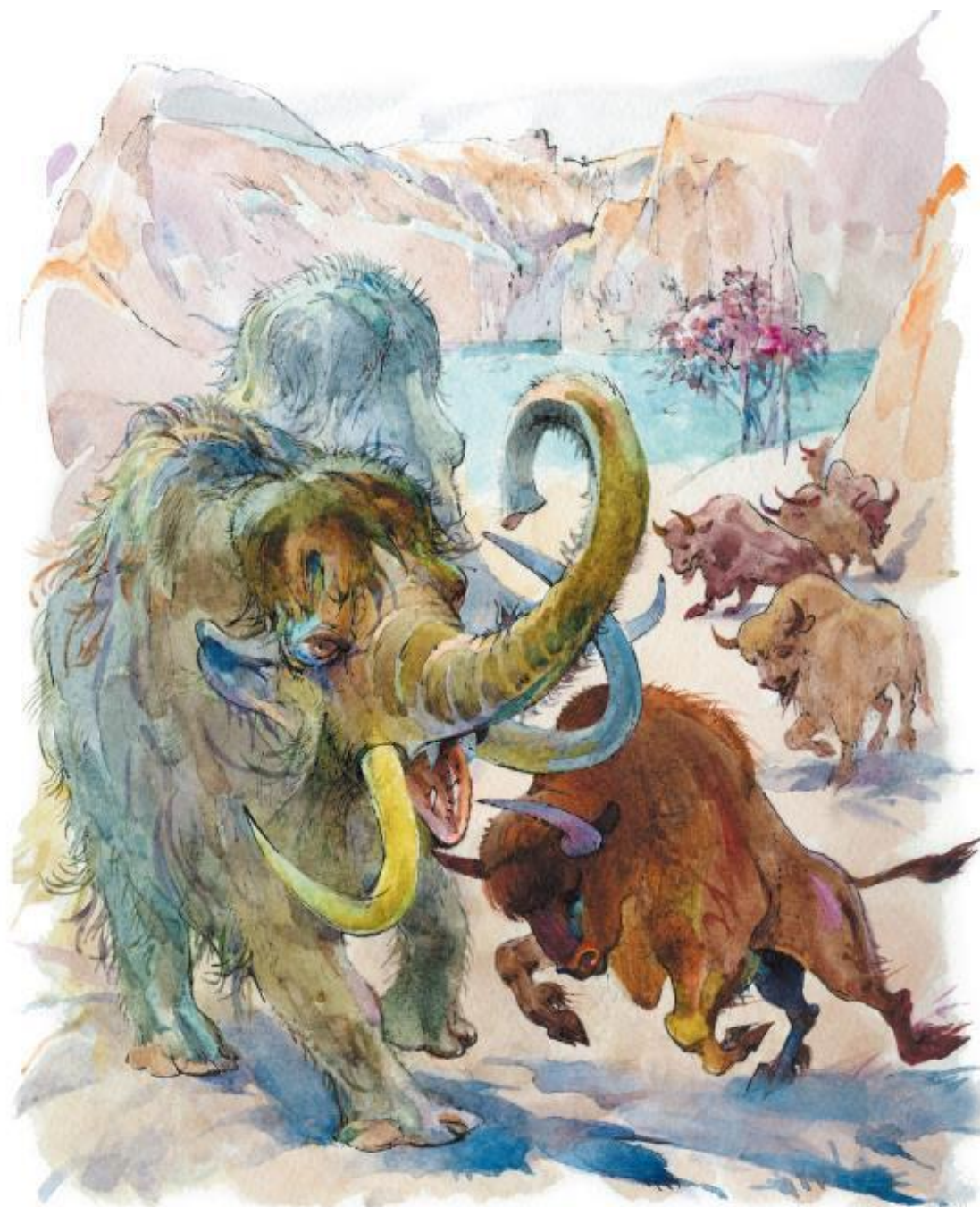
Мамонты первыми проявили признаки нетерпения. Самый высокий с громким сопением шевельнул перепончатыми ушами, похожими на гигантских летучих мышей, и сделал шаг вперёд. В то же мгновение мамонт, на которого напал зубр, со страшной силой ударил хоботом по ногам противника. Зубр пошатнулся. Мамонт воспользовался этой минутой и одним рывком очутился на ногах. Два огромных зверя снова стояли друг против друга. Ярость овладела мамонтом. Подняв вверх могучий хобот, он оглушительно взревел и кинулся на врага. Изогнутые бивни подхватили зубра, подбросили его в воздух, словно щепку, а затем швырнули на землю с такой силой, что у того затрещали кости. Не дав зубру опомниться, мамонт вонзил свои страшные бивни в брюхо противника и принялся топтать ногами окровавленное тело.

Рёв побеждённого потонул в поднявшемся крике. Семь зубров и пять мамонтов ринулись друг на друга в лютой жажде крови, ослепившей их и заставившей потерять рассудок. Воинственный пыл овладел и обоими стадами: низкое мычание зубров смешивалось с пронзительным трубным рёвом мамонтов. Гнев привёл в движение длинные ряды могучих тел, грозные бивни, острые рога и гибкие хоботы.

Вожак сражался с самозабвенной яростью. Мощные тела сплелись в гигантский клубок, откуда доносился рёв бешенства и боли, топот тяжёлых ног, треск ломающихся костей...

В первые минуты численное превосходство зубров поставило мамонтов в невыгодное положение. Три зубра соединёнными силами напали на одного мамонта и повалили его на землю; второй едва успевал обороняться от двух ожесточённо атакующих противников. Но остальные три мамонта набросились на оставшихся зубров и одержали молниеносную победу. Они пронзили их бивнями и долго топтали своими чудовищными ногами. Только заметив опасность, угрожавшую поверженному мамонту, они оставили свои жертвы и снова ринулись в бой. Три зубра, ожесточённо атаковавшие упавшего мамонта, были застигнуты врасплох. Двое погибли мгновенно, третьему удалось спастись бегством. За ним бросились бежать все сражавшиеся зубры. Панический страх, овладевший вожаками, мгновенно передался всему огромному стаду. Сначала это была лишь смутная тревога, минутное оцепенение, словно затишье перед грозой. Затем стадо дрогнуло, пришло в движение и вдруг, повернувшись, кинулось вспять. В слепом ужасе, толкая и давя друг друга, мчались зубры по узкому проходу между холмами. Сильные обгоняли слабых, валили с ног и безжалостно топтали. Хруст костей напоминал треск падающих под ураганным ветром деревьев.

Мамонты не сочли нужным преследовать убегающего противника. Показав своё могущество и меру своей силы, они ещё раз доказали, что мамонт – властелин Земли и всех населяющих её живых существ. Колонна рыжевато-бурых гигантов с длинной шерстью и жёсткими гривами выстроилась вдоль берега озера и стала не спеша утолять жажду.

Множество животных, испуганных только что закончившейся ужасной битвой, сгрудилось на склонах холмов, почтительно взирая на пьющих колоссов.

Уламы также смотрели не отрывая глаз на властителей Земли. Нао невольно сравнивал худые руки, тонкие ноги и хрупкие торсы Нама и Гава с массивными, словно скалы, фигурами царственных животных, и с горечью думал о слабости и ничтожности человека, влачащего жалкую кочевую жизнь в лесах и саваннах. Он думал также о всех львах, тиграх и серых медведях, которых им предстояло встретить во время их опасного путешествия, отчётливо сознавая, что человек в могучих лапах этих хищников так же бессилен, как дикий голубь в когтях орла.

Глава третья

В логове медведя

Миновала уже треть ночи. Серебряная луна, похожая на раскрытый цветок белой водяной лилии, скользила вдоль края тёмного облака. Призрачный свет её заливал реку, молчаливые чёрные утёсы и берег озера у водопада. Мамонты давно ушли. Лишь изредка к водопаду подкрадывался неслышной походкой какой-нибудь хищник, а в воздухе бесшумно проносилась на своих мягких крыльях летучая мышь.

Гав стоял на страже у входа в пещеру. Молодой воин был очень утомлён; он всё время задрёмывал, пробуждаясь лишь при резком порыве ветра, внезапном шуме или возникновении нового запаха. Странное оцепенение сковывало все его мысли и чувства; в сознании бодрствовал только страх перед возможной опасностью.

Стук копыт внезапно промчавшейся неподалёку сайги заставил Гава быстро поднять голову и тревожно оглядеться. На противоположном берегу реки по крутому гребню базальтового холма двигался, переваливаясь с ноги на ногу, какой-то большой зверь. Грузное и в то же время гибкое тело, большая голова с заострённой мордой и что-то человеческое в походке – всё говорило о том, что перед Гавом огромный медведь.

Молодой воин был хорошо знаком с пещерным медведем. Этот миролюбивый гигант с выпуклым лбом обычно спокойно жил в своём логове и питался исключительно растительной пищей. Только голод мог заставить его охотиться и есть мясо.

Приближавшийся к пещере зверь принадлежал, по-видимому, к другой породе. Гав убедился в этом, когда медведь вышел на ярко освещённую луной вершину холма. У зверя был плоский лоб и массивное, покрытое короткой сероватой шерстью туловище; в тяжёлой поступи чувствовалась уверенность в своей силе и скрытая угроза. Это был серый медведь, опасный соперник самых крупных хищников.

Гав вспомнил рассказы охотников, побывавших в гористых местностях, где обитает серый медведь. Они уверяли, что этот страшный хищник способен одним ударом могучей лапы свалить на землю зубра или бизона, задушить лося или дикую лошадь. Его острые когти без усилия вспарывают грудь человека; он не боится свирепого льва и кровожадного тигра. Старый Гоун говорил, что серый медведь уступает в силе только пещерному льву, носорогу и владыке Земли – мамонту.

Сын Сайги не почувствовал сразу того страха, который вызвало бы у него внезапное появление тигра или льва. Встречи с благодушным пещерным медведем приучили его не бояться животных этой породы. Однако в походке приближающегося зверя было что-то внушающее смутную тревогу, и молодой воин счёл необходимым разбудить Нао.

Одного прикосновения к руке спящего сына Леопарда было достаточно, чтобы он мгновенно вскочил на ноги.

– Что хочет Гав? – спросил Нао, подходя к выходу из пещеры.

Сын Сайги молча указал рукой на вершину базальтового холма.

Лицо Нао омрачилось.

– Серый медведь! – прошептал он.

Взгляд его тревожно скользнул по стенам пещеры.

С вечера уламы позаботились заготовить целую кучу хвороста и камней. Несколько крупных валунов лежало поблизости – ими можно было при необходимости прочно загородить вход в пещеру. Нао предпочёл бы спастись бегством, но для отступления у них был один только путь: вниз, по каменному выступу к водопаду, то есть прямо навстречу серому медведю. Если бы им даже удалось незаметно проскользнуть мимо него, серый медведь, быстроногий

и проворный, несмотря на кажущуюся грузность и неуклюжесть, легко догонит на открытом месте беглецов.

Единственным выходом было бы вскарабкаться на дерево – серый медведь не умеет лазать по деревьям. Но, к несчастью, поблизости виднелись лишь низкорослые, тонкие деревца, и к тому же этот неутомимый и упрямый хищник способен бесконечно долго караулить свою жертву.

* * *

Заметил ли медведь Гава, сидевшего на корточках у входа в пещеру, прижавшись к скале и стараясь не делать ни одного лишнего движения? Или это был хозяин пещеры, вернувшийся домой после долгого странствия?

Пока Нао мучительно раздумывал над этой загадкой, медведь стал спускаться вниз по крутому склону. Достигнув подножия холма, он остановился, поднял вверх острую морду, понюхал влажный ночной воздух и затрусил неторопливой рысцой. На мгновение обоим уламам показалось, что он удаляется. Однако, очутившись на берегу, зверь уверенно двинулся к переправе и остановился как раз напротив каменного карниза, который вёл на вершину утёса.

Единственный путь к отступлению был отрезан. Чуть повыше пещеры каменный карниз кончался и утёс обрывался отвесно в воды озера; спустившись же по узкому выступу вниз, они очутились бы лицом к лицу со страшным хищником. Как бы быстро ни сбежали вниз уламы, медведь всё равно успел бы переплыть узкую реку и преградить беглецам путь.

Оставалось лишь надеяться, что хищник, не заметив людей, уйдёт прочь. В противном случае следовало приготовиться к нападению на пещеру...

Нао разбудил Нама, и они втроём поспешно начали перекачивать валуны ко входу в пещеру. Потоптавшись на месте, медведь вдруг бросился в воду и переплыл реку. Выйдя на берег, он отряхнулся и стал неторопливо взбираться вверх по узкому каменному выступу.

Чем ближе подходил к пещере медведь, тем отчётливее вырисовывалась в ярком свете луны его огромная косматая фигура. Временами в широкой пасти угрожающе поблескивали острые белые клыки.

Нам и Гав дрожали как в лихорадке, сознавая всю свою слабость перед страшным хищником. Юные сердца их трепетали, словно раненые птицы, при мысли о неизбежности предстоящей смертельной схватки. Страстная жажда жизни овладела всем существом молодых воинов.

Нао тоже не был спокоен. Он знал страшную силу противника и сознавал, что медведю понадобится совсем немного времени, чтобы справиться с тремя людьми. Его толстая шкура и крепкие, словно гранит, кости были почти неуязвимы для каменных топоров и копий с кремнёвыми наконечниками.

Уламы лихорадочно продолжали укреплять вход в пещеру. Скоро перед ним выросла высокая стена из камней. Молодые воины оставили не заложённым только одно отверстие справа, на высоте человеческого роста.

Тем временем медведь добрался до пещеры и подошёл к её входу. Увидев препятствие, он остановился и заворчал, удивлённо покачивая тяжёлой головой. Хищник давно учуял присутствие людей, слышал шум, поднятый ими при сооружении каменного заграждения, но никак не ожидал, что вход в берлогу, где он прожил столько лет, вдруг окажется заложённым.

Медведь смутно чувствовал, что существует какая-то связь между появлением этого неожиданного препятствия и присутствием двуногих существ, которые заняли его жилище. Преграда озадачила его, но нисколько не встревожила; он угадывал слабость скрывавшихся за ней противников.

Сначала огромный хищник не спеша потянулся, показав белую, отливающую серебром шерсть на своей могучей груди и мотая мохнатой головой. Затем внезапно, без всякого пере-

хода, пришёл в ярость, потому что по натуре своей был существом угрюмым и злобным. Издав хриплый, протяжный рёв, он поднялся на задние лапы. В такой позе медведь ещё больше напоминал человека, огромного и волосатого, с короткими кривыми ногами и непомерно длинным туловищем. Тяжело переваливаясь с лапы на лапу, он вплотную подошёл к каменной стене и, пригнув голову, заглянул в оставшееся незаложенным отверстие.

Нам и Гав, скрытые в тёмной глубине пещеры, держали наготове свои кремнёвые топоры; сын Леопарда сжимал в руках тяжёлую палицу. Они рассчитывали, что медведь, желая разрушить стену, просунет в незаложенное отверстие лапы, и готовились размозжить их ударами палицы и топоров. Но в просвете между валунами перед ними неожиданно возникла огромная лохматая морда с плоским лбом и полуоткрытой пастью, в которой виднелись два ряда длинных и острых, словно дротики, зубов. Топоры Нама и Гава с силой опустились на голову хищника; Нао взмахнул палицей, но недостаточная ширина отверстия помешала ему нанести сокрушительный удар.

Медведь с рёвом отступил. Он даже не был ранен: ни одна капля крови не выступила на его морде. Но вспыхнувшие зелёным огнём зрачки хищника и лязг мощных челюстей ясно говорили о возмущении оскорблённой силы. Однако он не пренебрёг полученным уроком. Вместо того чтобы лезть в пещеру напролом, он решил сначала уничтожить опасное препятствие.

Приблизившись к пещере снова, медведь ощупал каменную стену лапами и толкнул её. Стена едва заметно дрогнула. Тогда, собрав все свои силы, зверь принялся расшатывать её. Он то наваливался на неё плечом и толкал лбом, то рвал могучими когтями, то, отступив, с разбегу бросался на стену всей тяжестью своего огромного тела. Обнаружив наконец слабое место у основания стены, медведь сосредоточил на нём свои усилия. Стена зашаталась. Уламы, находясь по ту сторону стены, ничем не могли помешать зверю. Почти не сговариваясь, люди быстро изменили способ защиты. Нао и Гав подпёрли плечами опасное место изнутри, и стена перестала шататься. Нам же, высунувшись из отверстия, подстерегал удобный момент, чтобы вонзить дротик в глаз противника.

Вскоре медведь заметил, что слабое место в преграде перестало поддаваться его толчкам. Эта непостижимая для тёмного ума зверя перемена, шедшая вразрез со всем его многолетним опытом, озадачила хищника. Он остановился, присел на задние лапы и, мотая головой, стал рассматривать стену, обнюхивая её с недоверчивым и изумлённым видом. Наконец, решив, что ошибся, медведь снова приблизился к стене и ударил её лапой; затем разбежался и толкнул плечом. Стена не поддавалась. Тогда, разъярившись, хищник забыл об осторожности и ринулся в атаку.

Отверстие в стене притягивало зверя. Ему казалось, что здесь он найдёт свободный проход. Он бросился к нему, не думая об опасности... Дротик просвистел и впился ему в веко, но ничто уже не могло остановить сокрушительный натиск этого живого тарана. Стена рухнула...

Нао и Гав мгновенно отскочили в глубину пещеры. Нам не успел последовать их примеру – и очутился в когтях расвирепевшего зверя. Юноша даже не пробовал защищать свою жизнь. Покорный и беспомощный, словно антилопа, опрокинутая на землю лапой льва, он раскинул руки и, широко раскрыв глаза, в каком-то оцепенении ждал смерти.

Но Нао, на мгновение растерявшийся от неожиданного падения стены, увидел опасность, грозившую его товарищу, и сразу обрёл хладнокровие и мужество, свойственные людям сильного духа и твёрдой воли. Отбросив в сторону ставший ненужным топор, он обеими руками схватил узловатую дубовую палицу и шагнул навстречу врагу.

Медведь заметил его. Отложив расправу со слабой добычей, трепетавшей в его когтях, он отбросил в сторону Нама и с грозным рычанием повернулся к сыну Леопарда. Но не успел хищник пустить в ход свои страшные клыки и когти, как палица Нао с молниеносной быстротой опустилась на голову зверя, разбив в кровь его ноздри. Удар, нанесённый сбоку, был не так

силён и опасен, как болезнен. Он поразил хищника в самое чувствительное место. Медведь невольно отпрянул назад, завыв от боли.

Второй удар палицы пришёлся по массивному, несокрушимоу черепу. Медведь, успевший прийти в себя, но обезумевший от боли и ярости, ринулся на врага. Нао успел отскочить в темноту и укрыться за выступом базальтовой стены. Медведь, как лавина, пронёсся мимо него и с размаху ткнулся раненой мордой в каменную стену. Он пошатнулся, оглушённый ударом, и в эту же минуту палица Нао, очутившегося позади хищника, со страшной силой опустилась на загривок зверя, перебив ему позвоночник. Послышался треск сломанных костей. Хищник медленно повернулся вокруг себя, зашатался и рухнул на землю. Нао, упоённый победой, в

неистовой ярости наносил поверженному врагу удар за ударом, в то время как Нам и Гав вспарывали брюхо зверя своими кремнёвыми топорами...

Когда громадная окровавленная туша перестала наконец содрогаться, уламы выпрямились и, опустив оружие, молча посмотрели друг на друга. Это была торжественная минута. Нао стал теперь в глазах Нама и Гава самым могучим из уламов и всех других людей. Ни Фауму, ни Гу, сыну Тигра, и ни одному из тех великих воинов прошлых поколений, имена которых хранил в своей обширной памяти старый Гоун, не удавалось убить серого медведя ударом палицы в открытом бою. Юноши с восхищением смотрели на своего могучего товарища, мечтая о том дне, когда они расскажут про его славную победу всем уламрам, – конечно, в том случае, если им удастся вернуться к родному племени покорителями Огня!

Глава четвёртая

Пещерный лев и тигрица

Минула одна луна. Нао и его спутники, всё время двигавшиеся на юг, давно уже оставили позади саванну. Теперь они пробирались по густому лесу. Казалось, тёмной чаще не будет конца. Лишь изредка на пути уламов встречались поляны, поросшие высокой травой, болота и небольшие озёра, но за ними снова начинались непроходимые дебри. Необозримый, словно море, лес то взбирался на холмы, то спускался в глубокие овраги.

Все виды растений и все породы животных водились в этом лесу.

Здесь можно было встретить тигра и жёлтого льва, леопарда и гиену, кабана и волка, лань и серну, носорога и оленя, муфлона и косулю. В этом лесу встречались даже пещерные львы – редчайшая порода хищников, начавшая вымирать сотни веков назад.

Кое-где в чаще попадались широкие просеки, заваленные обглоданными ветвями деревьев и вырванным с корнем подлеском, неоспоримо свидетельствовавшие о проходе мамонтов, стадо которых причиняет лесу больше ущерба, чем самые сильные бури и ураганы.

В этих опасных местах уламы находили обильную пищу, но и сами в любую минуту могли стать добычей какого-нибудь крупного хищника.

Нао, Нам и Гав подвигались вперёд с величайшей осторожностью, построившись треугольником, чтобы одновременно наблюдать за большим пространством.

Днём острое зрение и тонкий слух заблаговременно предупреждали их об опасности. Впрочем, днём самые страшные хищники спали; они выходили на охоту только в сумерки. Днём их глаза были менее зоркими, чем глаза людей, а чутьё нельзя было сравнить с чутьём волков. Волков трудно сбить со следа, но в этом обильном всякого рода добычей лесу они остерегались нападать на таких сильных и хитроумных противников, как люди. Страшный пещерный медведь охотился на животных только зимой, когда ему не хватало растительной пищи. В остальные времена года это огромное животное мирно утоляло свой голод плодами и съедобными корнями.

Но если дни проходили в непрерывной тревоге, то ночи были просто ужасны. Задолго до наступления сумерек уламы начинали искать безопасное убежище для ночлега. Иногда это была естественная пещера; в другой раз им приходилось сооружать убежище из камней; порой они находили приют в глубокой яме под корнями деревьев или в чаще колючего кустарника.

Но обычно они проводили ночи на деревьях, выбирая группу близко расположенных друг к другу стволов.

Больше всего страданий причиняло уламам отсутствие Огня. В долгие безлунные ночи им казалось, что ночной мрак никогда больше не рассеется. Темнота угнетала их, наваливалась на них страшной тяжестью. Они тоскливо вглядывались в беспросветную тьму, ожидая, что вдруг где-нибудь вдали вспыхнет искра и весёлые языки пламени начнут лизать сухие ветви...

Но во мраке ночи мерцали только искры далёких звёзд да зелёные огоньки в глазах хищников.

В эти часы молодые воины мучительнее ощущали свою слабость и полное одиночество среди жестокого и враждебного мира. Со щемящей печалью вспоминали они о родном племени и думали, что самые тяжкие испытания угнетают человека меньше, если рядом с ним сородичи и соплеменники.

* * *

Наконец лес поредел. На запад он уходил такой же сплошной чащей, без единого про света, но на востоке лежала равнина с редкими группами деревьев и островками невысокого кустарника. Зубры, бизоны, олени, сайги и лошади поедали молодые побеги деревьев и тем защищали саванну от наступления леса. Через равнину, по направлению к востоку, несла свои воды широкая река, берега которой заросли чёрными тополями, пепельными ивами, осинами, ольхой, тростником и камышами. Кое-где виднелись бурые груды ледниковых валунов.

День склонялся к закату, и на землю уже ложились длинные вечерние тени.

Многочисленные следы на берегу реки говорили о том, что в сумерки сюда сходится на водопой множество зверей. Поэтому Нао, Нам и Гав, поспешно утолив жажду, занялись поисками безопасного места для ночлега. Разбросанные кое-где валуны были непригодны для этой цели – пришлось бы затратить слишком много времени, чтобы построить из них хоть какое-нибудь прикрытие.

Нам и Гав, отчаявшись найти подходящее убежище, уже готовы были вернуться на ночь в лес, когда Нао вдруг заметил две огромные базальтовые глыбы, лежащие рядом и соприкасающиеся верхушками; они образовали нечто вроде пещеры с двумя входами. Один вход был доступен только мелким животным, не крупнее собаки. Второй оказался достаточно широким, чтобы, плотно прижавшись к земле, через него мог проползти человек; но для львов, тигров и медведей этот вход был слишком тесным.

Нам и Гав легко проникли в пещеру. Они боялись, что Нао из-за своего богатырского сложения не сможет протиснуться в узкое отверстие; но сын Леопарда, вытянувшись во всю длину и повернувшись на бок, без труда пробрался в пещеру и так же легко выполз обратно.

Огромные каменные глыбы были так тяжелы и массивны, что даже мамонты не могли бы разъединить их. Под ними свободно умещались три человека.

Уламры были бесконечно рады этой находке, обеспечивавшей им безопасный ночлег. Впервые за всё время похода они проведут спокойную ночь, не опасаясь нападения хищников.

Подкрепившись сырым мясом молодого оленя и орехами, собранными в лесу, Нао, Нам и Гав выбрались из убежища, чтобы ещё раз осмотреть местность. Несколько оленей и косуль пробежали к водопою. В воздухе с воинственным карканьем носились вороны; в облаках величественно парил орёл. В зарослях ивняка крался пятнистый леопард. Рысь преследовала антилопу.

Тени деревьев удлинялись. Солнце садилось за лесом, зажигая гигантский пожар в облаках. Через несколько минут хищники должны были выйти из своих берлог, чтобы вступить во владение равниной. Но пока ещё ничто не предвещало их появления.

Над равниной раздавался только многоголосый щебет птичек; повернув головки к закату, они торопились пропеть свой прощальный гимн дневному светилу, полный сожаления об уходящем дне и страха перед надвигающимся мраком ночи.

Неожиданно на опушке леса показался одинокий бизон. Откуда он пришёл? Почему отбился от стада? Бежал ли он от какого-нибудь крупного хищника или просто отстал от своих сородичей и теперь брёл наугад, не зная, где их искать?

Уламры не задавались подобными вопросами. Инстинкт охотников сразу проснулся в них. Люди в те времена не смели и подумать о нападении на стада этих огромных травоядных. Они отваживались охотиться лишь на одиноких, раненых или слабых животных.

Проворные и сильные, чуткие к малейшей опасности, смелые и осторожные, бизоны были великолепно приспособлены к борьбе за существование. Сознавая свою силу, они держались спокойно и уверенно.

Нао с глухим восклицанием вскочил на ноги. Сердце его учащённо забилося при виде широкогрудого, круторогого, величественного зверя. Он знал, что сражение с этим огромным травоядным принесло бы ему не меньшую славу, чем победа над серым медведем. Кровь закипела в жилах сына Леопарда и горячей волной ударила в голову. Но тут же другой инстинкт вступил в борьбу с первым. И этот инстинкт властно приказывал Нао не уничтожать без нужды животное, могущее послужить пищей. А у молодых воинов был большой запас свежего мяса.

Вспомнив победу, только что одержанную над серым медведем, сын Леопарда решил, что борьба с бизоном едва ли прибавит что-либо к его охотничьей славе, и опустил палицу.

Ничего не подозревавший бизон медленно и спокойно прошёл к реке.

Вдруг все трое уламов насторожились – они почувствовали приближение опасности раньше, чем увидели её. Сомнения быстро сменились уверенностью. По знаку Нао Нам и Гав скользнули в пещеру. Нао не замедлил последовать за ними, как только на опушке леса показался бегущий олень. Животное несло в слепом ужасе. Ветвистые рога его были закинuty назад, с губ капала пена, окрашенная кровью.

Олень успел уже удалиться на тридцать скачков от опушки, когда из-за деревьев показался преследователь. Это был тигр – коренастый и приземистый, с гибкой спиной и мускулистыми лапами. Он продвигался гигантскими скачками, покрывая каждый раз расстояние не менее двадцати локтей. Со стороны казалось, что он не бежит, а скользит в воздухе, чуть касаясь лапами земли.

В конце каждого скачка тигр на неуловимо короткое мгновение останавливался, как бы собираясь с силами для нового рывка.

Олень мчался безостановочно, делая короткие, всё убыстряющиеся прыжки. Но тигр настигал его; хищник только что вышел на охоту после дневного сна, в то время как олень был утомлён долгим дневным переходом.

– Тигр нагоняет большого оленя! – дрожащим от волнения голосом воскликнул Нам.

Нао, с не меньшим возбуждением следивший за этой страшной охотой, возразил:

– Большой олень неутомим!

Вблизи реки расстояние, отделявшее оленя от тигра, сократилось наполовину. Однако, сделав невероятное усилие, олень ещё убыстрил свой бег. Некоторое время оба животных неслись с одинаковой скоростью, затем скачки тигра замедлились. Он оставил бы преследование, если бы не близость реки: в воде он рассчитывал быстро настигнуть оленя, потому что был великолепным пловцом.

Хищник достиг берега, когда олень проплыл уже локтей пятьдесят. Не останавливаясь ни на секунду, тигр бросился в реку и поплыл с необычайной быстротой; однако олень не уступал ему в скорости. Жизнь его зависела от этой минуты. Река была неширока, и видно было, что олень первым доплывёт до противоположного берега. Однако стоит ему споткнуться при выходе из воды – и он погиб!

Олень прекрасно понимал это: он осмелился даже уклониться от прямой, чтобы выбраться на берег в более удобном месте: на усыпанной галькой косе, отлогой спускавшейся к реке. Расчёт оленя был точным, но, ступив на сушу, он замешкался в минутной нерешительности. Этого было достаточно, чтобы тигр выиграл ещё полтора десятка локтей.

Олень едва успел отбежать на двадцать локтей от берега, когда тигр в свою очередь вылез из воды и сделал свой первый скачок. Но тут хищника постигла неудача: он зацепился за что-то лапой, оступился и упал.

Олень был спасён! Теперь преследование становилось бесполезным. Тигр понял это и, вспомнив, что во время погони перед его глазами мелькнул бизон, немедленно кинулся снова в воду и поплыл обратно.

Бизон не успел ещё скрыться из виду... Увидев погоню, он отступил к лесу; когда же тигр исчез в камышах, бизон остановился в раздумье. Однако осторожность взяла верх, и, решив скрыться в чаще, он затрусил к опушке мимо каменных глыб, где скрывались уламы.

Запах людей напомнил бизону, как однажды, когда он был ещё мал и слаб, человек тяжело ранил его острым камнем. Бизон бросился в сторону и стремглав понёсся к лесу; он уже почти достиг опушки, когда снова завидел тигра, который приближался огромными скачками.

Понимая, что бегство бесполезно, бизон повернулся к хищнику. Нетерпеливо роя копытами землю, он низко склонил рогатую голову. Широкая грудь его, покрытая рыжеватой шерстью, порывисто вздымалась. Большие глаза горели лиловатым огнём. Теперь это было уже не мирное травоядное, а опасный боец; страх и колебания уступили место ярости боя. Инстинкт самосохранения претворился в храбрость.

Тигр увидел, что ему предстоит встреча с опасным противником. Он не сразу напал на него. Крадучись и извиваясь всем туловищем, как пресмыкающееся, он подкрадывался к бизону, готовый при первом же поспешном или неловком движении противника прыгнуть ему на спину и одним ударом лапы переломить позвоночник или перегрызть незащищённую шею. Но настороженный и внимательный бизон следил за каждым движением хищника и всё время обращал к нему массивный костистый лоб, вооружённый острыми рогами.

Вдруг тигр замер, забыв о бизоне. Изогнув спину дугой, он устремил жёлтые, сразу ставшие неподвижными глаза на приближавшегося огромного зверя, похожего на него, но более рослого и массивного, с широкой грудью и густой тёмной гривой.

В неуверенной поступи этого зверя чувствовалось, однако, колебание охотника, который забрёл на чужую территорию.

Между тем тигр был у себя. Десять лун он владел этими местами, и все остальные хищники признавали его первенство – и леопард, и медведь, и гиена. Никто не осмеливался оспаривать у него добычу. Ни одно живое существо не становилось на пути тигра, когда он охотился на оленя, лань, муфлона, зубра, бизона или антилопу. Только серый медведь появлялся зимой в его охотничьих владениях. Другие тигры жили на севере, львы – возле Большой реки. Он уступал дорогу только непобедимому в своей слепой ярости носорогу и мамонту с толстыми, как стволы вековых деревьев, ногами.

До сих пор тигр ни разу не встречал этого странного зверя почти вымершей к тому времени породы. Но инстинкт сразу подсказал ему, что пришелец сильнее его, лучше вооружён и не менее ловок и проворен. И всё же тигр не хотел признать свою слабость и без борьбы уступить местность, где так долго был полновластным хозяином.

Он не отступил перед соперником, но пригнулся, почти распластавшись на земле, выгнул спину и угрожающе оскалил клыки.

В свою очередь пещерный лев набрал воздуха в широкую грудь и зарычал; затем, оттолкнувшись от земли задними лапами, сделал прыжок длиной в целых двадцать пять локтей.

Тигр в страхе попятился назад. При втором прыжке льва он поджал хвост и, казалось, готов был уже обратиться в бегство. Однако тут же, словно устыдившись собственной трусости, зарычал на противника; его жёлтые глаза позеленели от бешенства: он принимал бой!

Внезапная перемена в поведении тигра скоро стала понятной улабрам. Из камышей на помощь к своему самцу спешила тигрица; она неслась огромными скачками, почти не касаясь земли. Глаза её сверкали, словно угли.

Теперь настала очередь пещерного льва усомниться в своей силе. Вероятнее всего, он без боя уступил бы чете тигров её владения, если бы, возбуждённый угрожающим рычанием своей самки, тигр-самец не прыгнул ему навстречу...

Пещерный лев готов был примириться с необходимостью отступить, но не мог оставить безнаказанным столь дерзкий вызов. Его чудовищные мускулы напряглись при воспоминании об одержанных им бесчисленных победах, об убитых, растерзанных и съеденных им существах. Один лишь прыжок отделял его от тигра. Он мигом перелетел это расстояние и встретил... пустоту, так как тигр отскочил в сторону. Очевидно, он хотел напасть на пещерного льва сбоку. Тот быстро повернулся, чтобы встретить нападение.

Когти и клыки сшиблись... Послышалось глухое рычание и щёлканье страшных челюстей. Будучи ниже ростом, тигр попытался вцепиться в горло пещерного льва, но молниеносный удар огромной лапы опрокинул его на землю. В то же мгновение когтями другой лапы пещерный лев вспорол противнику брюхо. Внутренности вывалились из раны вместе с потоками крови. Неистовый рёв огласил саванну.

Пещерный лев начал рвать на части свою жертву, когда подбежала тигрица. Почуввав запах свежей крови, она остановилась в нерешительности и издала призывное рычание.

Услышав её зов, тигр невероятным усилием вырвался из лап пещерного льва, шагнул к тигрице... и остановился. Силы покинули его, и только глаза всё ещё были полны жизни.

Тигрица инстинктом поняла, как мало осталось жить тому, кто так долго делил с ней ещё тёплую добычу, охранял её детёнышей, защищал её от всех опасностей. Смутная нежность к поверженному самцу шевельнулась в глубине её не знавшего жалости сердца. Но она поняла также, что перед ней – сила ещё более могучая и жестокая, чем сила тигров, и, трепеща за свою жизнь, тигрица глухо зарычала, бросила последний взгляд на своего самца и убежала в лес.

Пещерный лев не стал преследовать её. Он наслаждался победой и следил за каждым движением издыхающего тигра, но не спешил прикончить его, так как был осторожен и остерегался получить рану, когда победа и без того была на его стороне.

Настал час заката. Багряный свет зари разлился по лесам, озарил кровавыми отблесками половину неба. Дневные животные затихли. Теперь слышались только вой волков, жуткий хохот гиен, крики ночных птиц, кваканье лягушек и стрекотание кузнечиков. Когда последние лучи солнца догорели в облаках, на востоке появился диск полной луны.

В саванне не было видно других зверей, кроме двух хищников, – бизон скрылся во время их битвы. В наступивших сумерках тысячи существ притаились без движения, чуя присутствие огромных зверей.

Бесчисленное множество дичи пряталось в каждой заросли, скрывалось за каждым деревом, и, несмотря на это, голод редкий день не терзал пещерного льва.

Лев издавал резкий запах, и этот запах всюду сопровождал его, предшествовал ему, предупреждая всё живое о его приближении вернее, чем шорох камней под могучими лапами, шелест раздвигаемой листвы и треск ломающихся ветвей.

Этот запах был густым и едким, почти осязаемым. Он разносился далеко вокруг по притихшей чаще и даже по поверхности вод, ужасный и в то же время спасительный для слабых существ. Всё бежало перед ним, исчезало, пряталось... Земля становилась пустынной. На ней не было жизни, не было добычи, и царь природы оставался в величественном одиночестве.

А между тем с приближением ночи огромного зверя начинал мучить голод. Осеннее наводнение изгнало его из привычных мест охоты, и, переплыв через несколько рек, он забрёл в неизвестную область. Теперь, после победы над тигром, эта область безраздельно принадлежала ему. И лев глубоко втягивал ноздрями вечерний воздух, стараясь учуять прячущуюся в сумерках добычу. Но ветерок приносил лишь ослабленные расстоянием запахи.

Насторожив слух, пещерный лев слышал чуть уловимый шорох мелких зверьков, убегающих в траве, возню воробьёв в гнёздах. На верхушке чёрного тополя он увидел двух цапель. Но лев знал, что этих бдительных пернатых не застанешь врасплох. К тому же, с тех пор как он достиг зрелости, хищник лазил только на невысокие деревья с прочными и толстыми ветками.

От издыхающего тигра исходил острый запах крови, раздражавший обоняние голодного льва. Он подошёл к тигру. Но вблизи этот запах показался ему отвратительным, как отравы.

Внезапно разъярившись, пещерный лев бросился на тигра и одним ударом лапы переломил ему спинной хребет. Затем, бросив труп, стал бродить по саванне.

Огромные глыбы базальта привлекли его внимание. Они находились на подветренной стороне, и запах людей сначала не доходил до хищника. Но, приблизившись, он учуял их присутствие...

* * *

Уламы с трепетом следили за страшным зверем. Они были свидетелями всех событий в саванне после бегства оленя. В полусвете сумерек они видели, как пещерный лев кружит возле их убежища. Зелёные огоньки сверкали в его глазах. Тяжёлое дыхание выдавало нетерпение и острый голод.

Обнаружив входное отверстие, лев попробовал просунуть в пещеру голову и плечи. Уламы с тревогой глядели на камни – выдержат ли они натиск гиганта? При всяком движении пещерного льва Нам и Гав крепче прижимались к каменной стене, выпуская вздох ужаса. Но Нао не чувствовал страха. Ненависть кипела в нём – ненависть живого существа, которому угрожает гибель, бунт пробудившегося сознания против господства слепой и тёмной силы.

Эта ненависть перешла в ярость, когда зверь стал рыть землю у входа. Нао знал, что львы умеют копать ямы и разрушать препятствия, и его встревожила эта попытка расширить вход в пещеру. Он ударил льва палицей по ноздрям. Зверь зарычал и отскочил в сторону. Его глаза, великолепно видящие во мраке, ясно различали в глубине пещеры силуэты троих людей. Добыча была совсем близко, и это лишь обостряло его голод.

Лев снова принялся кружить вокруг пещеры, подолгу останавливаясь возле отверстия, и в конце концов опять начал расширять подкоп. Однако новый удар заставил его вторично отпрянуть. Лев понял, что проникнуть в пещеру невозможно, но всё же не хотел отказаться от такой близкой и как будто доступной добычи. Ещё раз вдохнув запах пищи, он сделал вид, что отказался от охоты на людей, и пошёл в лес.

Уламры ликовали. Убежище показалось им ещё надежней, чем с первого взгляда. Они наслаждались ощущением безопасности, покоя, сытости – всем тем, что делало счастливым первобытного человека.

Не умея выразить словами это ощущение счастья, они обращали друг к другу улыбающиеся лица и весело смеялись. Правда, в глубине души все трое подозревали, что пещерный лев ещё возвратится. Но представление первобытного человека о времени было настолько смутным, что это сознание не могло омрачить радость молодых воинов; промежуток времени, отделяющий вечернюю зарю от утренней, казался им нескончаемым.

* * *

По обыкновению, первым на стражу встал Нао. Ему не хотелось спать. В мозгу сына Леопарда, возбуждённом событиями дня, роились образы, нестройные, смутные мысли о жизни и смерти.

Уламры накопили уже довольно много сведений об окружающем их мире. Они знали о движении солнца и луны; о том, что свет сменяется тьмой, а тьма – светом; что холодное время чередуется с жарким; они знали о вечном движении воды в реках и ручьях, о причудах дождя и жестокости молнии; о рождении, старости и смерти человека. Они безошибочно различали по внешнему виду, повадкам и силе бесчисленное множество животных; они наблюдали рост и увядание деревьев и трав; умели закалять на огне остриё копья, делать топоры, палицы, скребки, дротики, умели и пользоваться этим оружием. Наконец, они знали Огонь, страшный, желанный и могучий Огонь, дарящий людям силу и бодрость, но способный пожрать саванну и лес со всеми находящимися там мамонтами, носорогами, львами, тиграми, медведями, зубрами и бизонами.

Жизнь Огня всегда занимала Нао. Огню, как всякому живому существу, нужна была пища: он пожирал ветви, сухую траву, жир; он рос, он рождал другие Огни; наконец, он умирал. Огонь мог вырастать до беспредельности, но его можно было поделить на мельчайшие частицы, и каждая из них продолжала жить и, в свою очередь, расти. Огонь хирел, когда его лишали пищи, – он становился меньше мухи; но стоило поднести к нему сухую травинку, как он возрождался и снова был способен охватить огромный лес. Это был зверь и вместе с тем не зверь. У него не было ног, но он соперничал в скорости с антилопой. У него не было крыльев, но он летал в облаках; не было у него и пасти, но он дышал, ворчал, рычал; не было у него ни лап, ни когтей, но он мог преодолевать любые расстояния.

Нао любил Огонь и в то же время ненавидел его, боялся его. В детстве он не раз испытывал его укусы. Нао знал, что Огонь нельзя приручить; Огонь всегда готов пожрать тех, кто его кормит; он свирепей тигра и коварней гиены. Но жизнь с ним сладостна – он отгоняет жестокий холод ночи, придаёт пище новый вкус, дарует отдых усталым и силу слабым.

В темноте пещеры Нао вспоминал яркое пламя костра в родном становище и красные отблески его на лице Гаммлы... Восходящая луна напоминала ему костёр.

Из какого места земли выходит по ночам луна и почему она, подобно солнцу, никогда не гаснет? В иные вечера она кажется тоньше травинки, которую лижет робкий язык пламени. Но в последующие дни она растёт и увеличивается. Невидимые небесные люди заботятся о ней и кормят её, когда она начинает худеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.